

АФГАНИСТАН: МОТИВЫ, РАСЧЕТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Некоторые наблюдатели предвещают Советскому Союзу „Вьетнам” в Афганистане. Может быть будет хуже, но это сравнение все-таки неудачно. Эти наблюдатели плохо знают природу советской власти, да и историю вьетнамской войны. И я согласен с тем советским дипломатом, который дал косвенный ответ на этот вопрос.

Когда, после неудачной попытки иранцев занять советское посольство, корреспондент одной лондонской газеты спросил его: что было бы, если иранцы заняли бы ваше посольство? Советский дипломат посмотрел на часы и ответил: сейчас три часа, а вот в 3 часа 45 минут Ирана вообще не было бы.

Дипломат выразился не совсем дипломатически, но он гениально выболтал сущность двух ведущих принципов советской военно-политической стратегии — решительной безоглядности, если уж наступление началось, и абсолютного презрения к человеческой жизни, если речь идет о достижении стратегических целей.

Почему у американцев во Вьетнаме получился „Вьетнам”? Не в последнюю очередь потому, что они беспрестанно оглядывались и боялись, „как бы чего не вышло”: может пострадать гражданское население, могут выступить китайцы, СССР, нельзя

переносить войну на территорию противника, нельзя брать Ханой, надо только оборонять Сайгон, словом — бить врага, но не убивать его, — такова была странная философия американского ведения войны во Вьетнаме. Советское же правительство будет действовать иначе: оно подвергнет тотальному уничтожению всех непокорных афганцев, даже если в живых остался бы лишь Бабрак Кармаль. (Потом, конечно, расстреляют и его.) Такова ведь, тоже очень странная, логика советской „братской помощи”.

Теперь по существу темы. Я хочу попытаться вкратце проанализировать следующие проблемы, возникшие в связи с советской оккупацией Афганистана: внутренние и внешнеполитические мотивы вторжения в Афганистан, стратегические расчеты, милитаризацию советской политики и экономики, перспективы.

На оккупацию Афганистана Кремль толкнули в первую очередь исключительно благоприятные внешнеполитические факторы. Как бы парадоксально это ни звучало, на эту акцию вынудило Кремль и весьма неблагоприятное внутреннее положение. Почти все внешние войны отвлекали внимание широких народных масс от их текущих нужд и тяжелых проблем, заставляли их спланиваться под патриотическим знаменем даже непопулярных правителей. Это — аксиома. Министру внутренних дел императорской России Плеве приписывались слова, якобы сказанные им накануне русско-японской войны: „Нам нужна маленькая победоносная война, чтобы убить большую революцию”.

Советскому Союзу все еще не грозит каких-либо серьезных политических потрясений изнутри, но общее недовольство населения, связанное с продовольственным кризисом, коррупцией чиновников, про-

изволом органов власти не было со времен Сталина столь сильно, как сейчас. Поистине гигантские расходы на вооружение, на освоение космоса, на финансирование международных революционных и террористических акций КГБ привели к снижению материального уровня жизни населения почти до уровня сталинских времен. Последние две пятилетки, по-существу, были пятилетками форсированной милитаризации экономики, в силу чего советское правительство и вернулось (вопреки объявленному в девятой пятилетке преимущественному развитию легкой индустрии) к *сталинскому курсу* примата развития тяжелой индустрии над легкой, а в самой тяжелой индустрии — к примату развития военной индустрии над гражданской. Таким образом, советская военно-экономическая система — самая мощная по объему и затратам в мире и она достигает очень больших результатов, несмотря на общую неэффективность всей советской экономики, так как советское руководство обладает неограниченными возможностями распоряжаться материальными ценностями. Результаты эти подтверждаются фактами: за последние 10 лет Советский Союз добился равенства с Америкой в отношении стратегического ракетно-ядерного оружия, после чего и согласился подписать ОСВ-2. За это же время Советский Союз добился превосходства сил в Европе как по ракетно-ядерному оружию средней дальности, так и по накоплению и дислокации обычного оружия, о чем свидетельствует решение НАТО о довооружении от 12 декабря 1979 года. Более того, Советский Союз продолжает наращивать свой военный потенциал по незыблемому принципу своей военной доктрины „превосходства сил”.

И это понятно: Советский Союз готовит себя, как сказал министр обороны США Браун, к войне одновременно „на трех фронтах” (против Америки, Европы и Китая) и поэтому производит одних танков, орудий и боевых самолетов в два-три раза больше, чем Америка, и в два раза больше вкладывает средств в военную индустрию и военные исследования („Зюддойче цайтунг”, 31. 1. 1980). В то время, как США за период правления Брежнева снизили долю военных расходов в общенациональном валовом продукте от 9,4% до 5,4%, Советский Союз, наоборот, увеличил эту долю с 11% до 13%; некоторые специалисты говорят даже о 15% („Энкаунтер”, сентябрь 1979, Лондон).

Каков же общий результат? Главнокомандующий НАТО Бернард Роджерс заявил перед военной комиссией сената, что Советский Союз уже перегнал или скоро перегонит Запад по всем видам обычного и атомного вооружения („Зюддойче цайтунг”, 21.2. 1980).

А как же работает легкая индустрия? Ограничусь одним примером из первых рук — брежневских. Выступая на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС (1979), он сказал: „В последнее время в ЦК КПСС поступают жалобы о перебоях в торговле такими товарами: простейшие медикаменты, мыло, стиральные порошки, зубные щетки и паста, иголки, детские пеленки, и другие товары легкой промышленности” („Правда”, 28. 11. 1979). Еще более катастрофически обстоит дело со снабжением населения пищевыми продуктами. В провинции месяцами не бывает мяса. Капуста, картофель, фрукты становятся дефицитными продуктами. Реальная зарплата советского рабочего ниже пособия по безработице западного человека. Норма эксплуатации труда советско-

го рабочего достигла уровня, который Маркс называл абсолютным законом пауперизации и капиталистического накопления.

За тот или иной потребительский товар, который западный рабочий может купить, скажем, за час работы, советский рабочий должен работать по три-четыре часа. Вот некоторые данные из исследования Кейта Буша „Розничные цены” (Мюнхен, 1979) в отношении двух столиц: столицы „развитого капитализма” — Вашингтона и столицы „развитого социализма” — Москвы: за шесть кило белого хлеба в Вашингтоне надо работать 48 минут, а в Москве — 72, за кило говядины в Вашингтоне надо работать 63 минуты, в Москве — 132, за четыре кило сахара в Вашингтоне — 20 минут, в Москве — 236, за 10 литров молока в Вашингтоне — 70, в Москве — 180, за литр водки в Вашингтоне надо работать 52 минуты, в Москве — 380, за небольшой автомобиль в Вашингтоне надо работать 4,1 месяца, в Москве — 35 месяцев. Все это — результат милитаризации советской экономики.

Прямой результат низкой оплаты труда — повсеместное распространение „итальянских забастовок и „летунства”. Советское правительство увидело ненормальность положения. Оно подумывает над восстановлением сталинских законов о труде 1940 г., по которым произошло закрепощение рабочих и служащих за производством (они были отменены только в 1955 г.). Об этом и свидетельствует постановление ЦК КПСС, Совета министров и ВЦСПС от 12 января 1980 г. „О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины” (кто в год два раза меняет место работы, тот лишается права на сохранение непрерывного трудового стажа).

К драконовским мерам в области духовной жизни правительство перешло уже ранее. Накануне и сейчас же после оккупации Афганистана оно приступило ко всеобщему разгрому всех видов движения в стране — демократического, правозащитного, национального, религиозного. Лидеры этих движений либо арестованы, либо покинули страну. Арестом и высылкой Сахарова без следствия и суда лидеры Кремля совершили преступление уже сталинского типа.

Почему же так круто расправляется власть с диссидентством?

Рождение диссидентства символизировало собою начало новой эпохи в истории советского государства. После почти полувековой политической летаргии произошло восстание интеллектуальной оппозиции против тирании. Величайшая историческая заслуга диссидентства в том, что оно нанесло тягчайший удар по официальной идеологии, согласно которой невозможно возникновение *инакомыслия* в „бесклассовом социалистическом обществе”. Но опасно оно для режима другим: диссидентство — „духовный Кронштадт”, начиненный динамитом замедленного действия.

Сами диссиденты этого не хотели и не видели (ведь все диссиденты за эволюцию против революции). Однако власть видела лучше, больше и дальше. Власть помнила, что как раз за лозунги „права человека”, „гражданские свободы”, даже „за Советы, но без коммунистов” Ленин назвал кронштадтское движение более опасным для режима, чем Деникин, Колчак и Юденич вместе взятые. Советскому режиму инакомыслие, опирающееся на советскую легальность, противопоказано, ибо если советское государство когда-нибудь погибнет, то в результате

роста инакомыслия в советском обществе или даже в аппарате самой власти.

Есть у Советов и своя, потенциально грозная, исламская проблема — это пятидесятимиллионный советский мусульманский мир, граничащий со странами воинствующего ислама — Ираном и Афганистаном. За 1200 лет своего господства в Туркестане и на Кавказе ислам превратил народы этого мира в общность не только религиозную, но и этническую, общность под названием „мусульмане”.

Ни полувековое преследование ислама и его проповедников, ни атеистическая „культурная революция” не достигли поставленной цели. Об этом говорят вынужденные признания самих советских источников. В мусульманских советских республиках сельское население преобладает над городским, и оно — сплошь верующее. Но даже в городах, например, Узбекистана, верующими признают себя 75-85% (Т. С. Саидбаев, „Ислам и общество”, Москва, 1978, с. 187). Подавляющее большинство населения празднует все религиозные праздники и соблюдает религиозные обряды. По данным Института атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, среди татар, живущих в Омской области, 78% признают Уразу-байрам и 79% Курбан-байрам (см. „Русская мысль”, 14.6.1979, ст. О. Анутич). Обряд обрезания, как символ принадлежности к исламу, поддерживают в трех опрошенных районах Узбекистана 81,9% населения („Модернизация ислама”, Москва, 1968, с. 74). Другой советский автор, подводя итоги социалистическим исследованиям о силе ислама в Узбекистане, констатирует, что число людей, совершающих мусульманские обряды, в четыре раза превышает численность официально зарегистрированных как верующие мусульмане (А. Хасанов, „Роль

общесоветских и прогрессивных традиций...”, 1976, с. 12).

Отметим и одно феноменальное явление в истории ислама: суннизм запрещает женщинам становиться имамом и даже посещать мечеть (этого запрета нет в Коране). В Татарии мусульманки выступили инициаторами открытия ранее закрытых мечетей. В Татарии, Башкирии, Ульяновской и Астраханской областях, в Москве, Ленинграде мусульманки широко участвуют в религиозной службе и жизни мечетей. Сообщая обо всем этом, советский автор продолжает: „За последние годы география эта значительно расширилась. Наряду с мужчинами женщины участвуют в богослужениях в мечетях Азербайджана... ряда областей и автономных республик РСФСР. В некоторых мечетях женщины составляют до одной трети общины. В Чечено-Ингушетии и Дагестане действуют женские мюридистские группы, во главе которых стоят также женщины, исполняющие роль Тамады — Шейха, чего раньше в исламе никогда не было... В настоящее время в Средней Азии и Казахстане женщины посещают мечети в дни религиозных праздников” (Саидбаев, там же, сс. 215-216).

В своей богатой по информации и необычайно смелой по анализу книге „Ислам и общество” узбекский ученый Саидбаев приходит к выводу: „Ислам, как одна из форм общественного сознания, продолжает сохранять свою интегративную функцию по отношению к верующим, объединяя их по признаку вероисповедания. Благодаря распространению в общественной психологии явлению, когда существует отождествление религиозной и национальной принадлежности, ислам выступает в ка-

честве силы, объединяющей верующих и неверующих внутри одной нации и создающей чувство общности между представителями народов, в прошлом исповедовавших ислам... Нельзя не замечать этого, тем более, что оно проявляется в повседневной жизни” (Саидбаев, там же, с. 193).

Насчет обрядов ислама в мусульманских советских республиках Саидбаев дает такое объяснение: „Благодаря простоте, устойчивости, многие обряды и предписания ислама превращаются в привычки. Неоднократно повторяясь, они приобретают характер твердых жизненных потребностей, динамического стереотипа” (с. 226).

Все это написано до исламской революции в Иране. К своей книге автор приложил библиографию, в которую включил 400 книг и монографий против ислама, вышедших за последние два десятилетия в Москве и на местах. Уже одно это доказывает, что советскую власть давно пугает призрак возрождения басмачества, которое называло себя „Армией Аллаха”, тем более, когда сам президент исламской республики Иран Бани-Садр заявляет, что страдающие под авторитарным режимом мусульманские народы СССР должны получить возможность выбрать такую „систему правления, которую они сами желают” („Зюддойче цайтунг”, 26.2.1980).

Некоторое значение имеет и заявление Брежнева в беседе с президентом французского парламента Шабан-Дельмасом, в котором он оправдывал оккупацию Афганистана „неустойчивостью внутреннего положения” в СССР, а не тем, что СССР хочет захватить нефтяные источники.

Конечно, в такой связи это заявление вызывает подозрение — даже ценой признания своей внутренней слабости, Кремль хочет отвести внимание от

своих истинных мотивов. Но все-таки на встрече в Париже французское и немецкое правительства были склонны признать заявление Брежнева более соответствующим действительности, чем интерпретацию мотивации советского вмешательства со стороны американского правительства („Шпигель”, 17.2.1980, с. 20).

Таково неблагоприятное внутреннее положение, которое заставляет Кремль искать внешнеполитических успехов.

Перейдем ко внешней политике Кремля. Движущей силой советской внешней политики после свержения Хрущева стал блок догматиков из партаппарата и милитаристов из советского генералитета. Этот блок пересмотрел на XXIV съезде КПСС (1971) консервативную концепцию „мирного сосуществования”, объявленную на XX съезде КПСС (1956) „генеральной линией внешней политики Советского Союза”, и сделал радикальный поворот к наступательной политике с дифференцированными целями и методами: в странах третьего мира Кремль приступает к расширению зоны своей экспансии, выдавая ее за „братскую помощь против империализма”, а в странах Запада Кремль провозглашает политику „разрядки” с тем, чтобы Запад не мешал ему оказывать эту „братскую помощь” да еще снабжал Советский Союз техникой, технологией и даже хлебом и маслом. Делая такой поворот в своей внешней политике, блок догматиков и милитаристов исходит из того, что никогда в мире не было таких благоприятных условий для решения во всемирном масштабе „исторического спора” „кто кого?”, как сегодня.

Вот элементы, на которых основаны расчеты Кремля:

1. После второй мировой войны, в результате распада западных колониальных империй, в бывших колониальных странах образовался вакуум силы, — надо его заполнить просоветскими режимами;

2. После шока Вьетнама и дела Ватергейта США выключились из стран „третьего мира”, как сила, конфронтирующая против советской политики глобальной экспансии, — надо воспользоваться этим уникальным шансом;

3. После потери Америкой ореола непобедимости и падения ее престижа как лидера свободного мира образовалась трещина между США и Европой, — надо ей воспользоваться, чтобы оторвать Европу от США.

4. Китай все еще слаб, — надо решить китайскую проблему, пока Китай при помощи Запада не стал непобедимой военной силой.

5. Советскому Союзу незачем бояться риска войны, ибо в мире нет такой военной силы, которая может победить СССР (Устинов: Западу „стала очевидной абсолютная бесперспективность его попыток с помощью силы, в том числе военной, решить в свою пользу исторический спор с социализмом” („Правда”, 14.2.1980).

Известную роль в оптимистических расчетах Кремля сыграло и положение в американской внутренней политике. Решительное усиление роли Конгресса после Вьетнама и Ватергейта парализовало свободу действий администрации во внешней политике; бездумное разоблачение Конгрессом и печатью американской разведывательной службы за границей ограничило или даже лишило американцев не только достоверной информации, но и возможностей противодействия подрывной работе КГБ. Личность нового президента Картера — человека ве-

рующего и миролюбивого — с его антивоенной программой (вывод войск из Кореи, сокращение военного бюджета, прекращение производства стратегических бомбардировщиков В-1, отказ от производства нейтронной бомбы, отказ от военной помощи Турции и Пакистану) — тоже навела Кремль на оптимистические размышления.

Как раз в свете общего стратегического плана Кремля, Афганистан — это не акт локальной агрессии, с целью обезопасить советские мусульманские границы или увеличить число советских азиатских республик, а лишь очередное звено в советской политике глобальной экспансии, утвержденной на XXIV съезде КПСС (1971) и фарисейски названной „Программой мира”, где слово „мир” надо понимать как земной шар. На самом деле в основе „Программы мира” лежали два связанных между собой плана:

план по морально-психологическому разоружению Запада, известный под термином „разрядка”, о чем речь пойдет дальше, и

план по вооружению просоветских сил в странах третьего мира под лозунгом „поддержка национально-освободительных войн против империализма”.

Брежнев не считал нужным скрывать наличие таких планов. На том же XXIV съезде в присутствии коммунистических делегаций из 96 стран он сам расшифровал свою „Программу мира” так: „Сегодня мы хотим еще раз заверить наших соратников-коммунистов мира: наша партия всегда будет идти в одном тесном боевом строю с вами... Полное торжество социализма во всем мире неизбежно. И за это торжество мы будем бороться, не жалея сил” (Материалы XXIV съезда, М., 1971, с. 22).

На Западе все это сочли пустословием, но после оккупации Афганистана Брежнев напомнил: „У нас, как известно, слова не расходятся с делом” („Правда”, 13.1.1980).

Брежнев совершенно прав. Рассмотрим деяния Кремля после этого XXIV съезда. При широкой военно-материальной поддержке Москвы коммунисты победили во многих странах третьего мира. В Азии и Африке около 20 государств очутились под советским влиянием, а в некоторых из них созданы даже коммунистические режимы. Руками агентов КГБ Москва произвела коммунистические перевороты в Йемене и Афганистане (против этих переворотов никто на Западе не протестовал). Коммунистические заговоры против Чили, Португалии, Сомали, Уганды, Конго (Заир) и даже Египта сорвались не благодаря Западу и не по вине Москвы, а потому, что в этих странах нашлись здоровые национальные силы сопротивления.

В странах третьего мира Москва до сих пор проводила экспансию лишь посредством оружия и военно-чекистских советников, в следующих трех формах:

1. „Заместительская” война (Куба в Африке, Вьетнам в Азии);

2. Коммунистические перевороты, всегда маскируемые под „демократию” и „патриотизм”;

3. Национально-революционные восстания.

Вторжением со своей армией в Афганистан, страну третьего мира, Советский Союз реабилитировал и старую форму классического империализма — форму прямой и открытой агрессии.

Почему Кремль осмелился на оккупацию Афганистана? Какие силы в руководстве государства сказали тут решающее слово?

На вопрос, почему Кремль осмелился на вторжение в Афганистан, существует только один ответ: он был убежден не только в своем военном превосходстве, но и в своей безнаказанности. Об этом совершенно ясно (для тех, кто владеет советским языком) сказал тот же Брежнев: „ЦК партии и советское правительство действовали с полным сознанием своей ответственности, учитывая всю совокупность обстоятельств” („Правда”, 13.1.1980). Захват Афганистана задевал стратегические интересы США и Китая и нарушал установившееся равновесие в мире, значит Москва учитывала и чудовищный риск войны одновременно на три фронта — против Китая, против Америки и против ее европейских союзников по НАТО.

Что же касается сил, которые заставили Москву отважиться на агрессию, они тоже станут ясными, если мы учтем игнорируемый всеми западными экспертами следующий факт: с тех пор как свергли Хрущева, военно-стратегическое руководство в названном выше блоке догматиков и милитаристов переместилось от партаппаратчиков к советским военным кругам. Как теперь уже ясно, после провала ракетной авантюры на Кубе в 1962 году (был ли ее инициатором Хрущев или генералитет — это все еще не установлено) в руководстве партии и советских вооруженных сил, по всей вероятности, пришли к разным выводам: Хрущев хотел повернуть внимание от внешней политики к внутренним проблемам, для чего решил сократить армию (на 1 200 000 человек), а также и общий военный бюджет (постановление Совета министров за месяц до свержения Хрущева) с тем, чтобы перебросить освободившиеся средства в сельское хозяйство и гражданскую промышленность. Генералитет же, поддер-

жанный будущими заговорщиками против Хрущева, стал на другую точку зрения — по его мнению, СССР потерпел поражение потому, что не имел мощного военно-морского флота, чтобы отвергнуть ультиматум Кеннеди и силой прорвать блокаду Кубы; поэтому Советскому Союзу надо строить военно-морской флот, равный американскому или превосходящий его. Вот опираясь на этот генералитет, группа Брежнева, Суслова, Косыгина и свергла Хрущева (14.10.1964).

С этих пор „генеральной линией” партии стала милитаризация экономики, а „генеральной линией” советского военно-стратегического руководства — превосходство сил на суше, в воздухе, на море, в космосе, причем превосходство как обычного, так и ракетно-ядерного оружия над всем остальным миром. С этих пор советскую военную стратегию разрабатывают советские генералы и адмиралы, а не партаппаратчики. На этот счет есть даже точные указания и в самой советской военной литературе. Так видный советский военный теоретик профессор М. Скирдо пишет в учебнике Министерства обороны СССР: „Важнейшей функцией военного руководства, его органов, является разработка и осуществление стратегических планов войны” (М. Скирдо, „Народ, армия, полководец”, М., Воениздат, 1971, с. 150). В другом месте он прямо подчеркивает независимость высшего военного руководства от партаппаратчиков: „В современных условиях сохраняется определенная самостоятельность высшего военного руководства” (там же, с. 104).

За такие претензии Сталин расстреливал своих генералов, а Хрущев, как он выражался, брал их „за ушко да на солнышко”, а теперь Брежнев подписывает все, что советские генералы предлагают.

Таким образом, столь резкая милитаризация советской политики и экономики началась с приходом Брежнева к власти. Генералитет знал, с кем он имеет дело, когда поддерживал выдвижение Брежнева. Недаром Устинов заявил, что Брежнев „прошел суровую армейскую школу... Он глубоко знает жизнь и деятельность сегодняшних Вооруженных сил” („Правда”, 14.2.1980). И действительно, если мы проанализируем биографию Брежнева с 1939 по 1964 годы, то увидим, что из этих 25 лет на чисто партийной работе Брежнев провел только девять лет, а 16 — на должностях либо военно-политических (8 лет), либо в партаппарате, надзираая за военной индустрией (8 лет). Чины полковника, генерал-майора, генерал-лейтенанта Брежнев получил на военной службе, а чины генерал-полковника, генерала армии, маршала — за особые заслуги перед армией, будучи уже на посту генсека ЦК. Он был назначен председателем впервые при нем созданного Совета обороны СССР и Верховным главнокомандующим (не будучи еще председателем Президиума Верховного совета СССР), и награжден задним числом всеми боевыми и полководческими орденами СССР. Будучи исполнителем воли триединой реальной власти — партаппарата, политической полиции, армии, — Брежнев хорошо знает, что материальная основа этой власти — все-таки армия. Так как он — не Сталин, чтобы подчинить себе армию, и не Хрущев, чтобы попытаться это сделать, то Брежнев сам подчинился ей и стал ее вернейшим слугой на вершине партии и государства. Так образовался обоюднo выгодный союз генсека и генералитета, в котором генсек получил гарантии неприкосновенности своей личности и своей формальной власти, а армия — прерогативы „разработки и осуществления

стратегических планов войны” при „самостоятельности высшего военного руководства”, как об этом говорится в цитируемом выше учебнике Министерства обороны.

Из мимоходного замечания Брежнева о Совете обороны в его речи в Берлине от 6 октября 1979 г. мне представляется, что вот это самое „самостоятельное военное руководство” как раз и осуществляет Совет обороны СССР с теми же компетенциями, какие имела Ставка Верховного командования во время войны, опираясь на те же рабочие органы, на которые опиралась и Ставка (Генштаб и управления Министерства обороны). По всей вероятности, Совет обороны составлен по принципу Ставки, реорганизованной после 17 февраля 1945 г., когда в ее состав были включены только военные, но одновременно при ней был учрежден и институт советников, куда, кроме военных, включались и гражданские лица из числа членов Политбюро. В силу исключительной секретности решений Совета обороны СССР, его персональный состав должен быть ограниченным, как и личный состав Ставки (надо заметить, что в организационной практике брежневское руководство рабски подражает Сталину). По состоянию дел на сегодняшний день можно предположить, что в состав Совета обороны, кроме его председателя, маршала Брежнева, входят еще пять лиц — маршалы Устинов и Огарков бесспорно, а маршал Куликов, адмирал Горшков и генерал армии Андропов предположительно. О посылке в Афганистан „ограниченного военного контингента”, как выражается Кремль, мне кажется, решение было принято как раз этим Советом при участии узкого круга лиц из членов Политбюро. Такое важное военно-стратегическое решение не могло быть об-

суждено на собрании Политбюро, куда входят более 20 членов и кандидатов, да еще присутствуют все секретари ЦК. Вот этой исключительной секретностью, вероятно, и объяснялось, что не только державы Варшавского договора, но даже и пропагандный аппарат ЦК КПСС, не были информированы о решении оккупировать Афганистан, о чем свидетельствует не только крайне примитивное пропагандное оформление оккупации, но и такой элементарный ляпсус, что первую неделю ТАСС и советские газеты путали имя московского сатрапа в Кабуле с его фамилией.

При анализе причин и мотивов советской оккупации Афганистана надо различать ближайшие цели и общий стратегический план на будущее. Несомненно, что ближайшие цели Кремля — добраться до Персидского залива с его нефтью и до берегов Индийского океана, чтобы контролировать западную и азиатскую коммуникации. Но политика „дальнего прицела” заключается в другом: достигнув этих пунктов, советская экспансия может разветвиться в двух противоположных направлениях: на юго-восток, с целью расширения своего влияния на весь индийский субконтинент, а потом, соединившись с коммунистическим Индокитаем, завершить окружение Китая с моря и с суши; второе направление — на юг и запад с целью овладения государствами Аравийского полуострова и арабской Северной Африки.

Неразрешенный арабо-израильский конфликт будет тем динамитом, которым СССР легко взорвет изнутри Ближний Восток и арабскую Африку, а потом создаст одно объединенное Арабское „народно-демократическое” государство. Как раз успешный опыт большевизации обоих Йеменов показывает,

что советское правительство уже вступило на путь осуществления этой цели.

Какие перспективы ожидают СССР в Афганистане?

Оккупируя Афганистан, советское правительство рассчитывало на безнаказанность. Этот расчет оправдал себя — к ограниченным санкциям американского президента против Советского Союза не присоединился никто даже из членов НАТО. Но расчеты на быстрое умиротворение Афганистана и на патристический подъем в собственной стране оказались иллюзорными. Афганистан, территория которого на 3/4 состоит из каменистых гор, с населением 17 миллионов человек воинствующих фанатиков ислама, представляет собой идеальную страну для партизанской войны.

Здесь побывали Александр Македонский, Чингисхан, арабы, турки, англичане, но никто из них не чувствовал себя уютно. Александр II, покорив Среднюю Азию, предусмотрительно остановился у афганских границ. Его сын Александр III имел с Афганистаном лишь небольшое столкновение на реке Кушк, которое кончилось присоединением к России двух оазисов в пограничной полосе (1885). Брежнев решил присоединить к советской империи весь Афганистан. Это решение может оказаться не только ошибочным, но и иметь тягчайшие последствия. Конечно, Советский Союз — супердержава с современной военной техникой, а афганцы — маленький народ, вооруженный простыми ружьями. И, вторгаясь в Афганистан, советские военные рассчитывали на быструю и тотальную победу. Но уже сейчас видно, что им предстоит вести длительную и изнурительную партизанскую войну с афганцами, о которых идет слава, что „они свои винтовки любят боль-

ше, чем собственных жен”. Когда немецкий корреспондент спросил одного из афганцев, как же он хочет со своим безобидным ружьем идти против танков и ракетного вертолета, тот спокойно ответил: „Те, которые в танках, не хотят умереть, а мы к этому готовы”. История афганского народа показывает, что это не риторика. Все данные говорят о том, что если Советскому Союзу не удастся покорить или уничтожить этот народ в ближайшие 2-3 года, то СССР ожидают серьезные международные и внутренние трудности, которые могут привести к политическому кризису, если не по всей стране, то в кремлевском руководстве.

Может быть дело до этого не дойдет, и Москва сама выведет свою армию из Афганистана, убедившись в непредвиденных трудностях и идя навстречу требованиям почти всех некоммунистических стран мира? На этот вопрос Кремль уже ответил: Советская армия уйдет из Афганистана, когда отпадут причины, в силу которых она его оккупировала. Причины эти очень просты — афганские наемники Москвы не сумели превратить Афганистан в советский сателлит на Среднем Востоке, чтобы оторвать от Пакистана его просоветски настроенную западную провинцию — Белуджистан — и таким образом, без прямого участия Советской армии достичь ближайшей стратегической цели — выхода к Индийскому океану.

Китайцы, любящие выражаться образно, пишут: „Поработить Афганистан — это так же просто, как медведю ограбить улей; так думала Москва, посылая через границу войска с современным оружием. Но Москва узнает, что нарвалась на осиное гнездо... История докажет, что московские оккупанты в

Афганистане вырыли себе собственную могилу” („Бейджинг рундшау” № 3, 22.1.1980, с. 11).

Чтобы дело не дошло до этого, советское правительство будет практиковать тот же самый геноцид, который оно совершало во время мировой войны над мусульманскими народами Кавказа и Крыма. Потом СССР встанет на путь эскалации агрессии, выдавая каждую новую агрессию за оборону позиций, занятых во время предыдущей агрессии. История учит, что завоевательные войны великих империй всегда расширяются за пределы запланированных стратегических позиций, ибо эскалация, не встречающая на своем пути сопротивления, вырабатывает в самой себе автоматизм действия и идет уже как бы по инерции. Если СССР придет к заключению, что США не в состоянии дать отпора, а Европа не захочет поддержать США, советская экспансия в сторону Пакистана и Ирана станет фактом ближайшего будущего — не обязательно прямой советской оккупацией, но, вероятнее всего, организацией сепаратистского движения многочисленных малых народов Пакистана и Ирана. Большевики — мастера разжигать и эксплуатировать в своих целях шовинизм и национализм малых народов, а в этом отношении Пакистан и Иран — страны неограниченных возможностей.

Особо надо сказать и об одном феномене в мышлении советских лидеров и милитаристов, который мешает им трезво оценить как свои собственные возможности, так и возможности и решительность другой стороны. Я бы назвал этот феномен комплексом „шапкозакидательства”. Этим комплексом страдал и Гитлер, который трудности Сталина в ограниченной войне с Финляндией посчитал за военную слабость всей страны и поэтому собирался по-

кончить с нею „блицкригом” за два-три месяца. Этим комплексом страдают, по-моему, и нынешние советские политические и военные лидеры, думающие втихомолку: „Ту великую Америку, которую разбил маленький Вьетнам с нашим устаревшим оружием, мы со своим мощным современным оружием разобьем и подавно”. Не страшит советских милитаристов и огромное материально-техническое превосходство США в случае длительной неатомной войны. Выражая мнение советского Генерального штаба, вышеупомянутый проф. Скирдо писал: „Решающее значение ныне приобретают не потенциальные экономические возможности государств, которые можно привести в действие в ходе войны, а соотношение тех сил и средств, которыми вступившие в борьбу стороны располагали еще до начала военных действий” (М. Скирдо, цит. произв. с. 97).

Советское руководство имеет перед правительствами западными преимущества, дающие ему неограниченные возможности маневрирования и мобильности. Во-первых, оно, по существу, пожизненно, что освобождает его членов от страха за свою карьеру, пока они соблюдают неписанный закон взаимозависимости, одинаково обязательный как для возглавителя, так и для рядовых членов руководства; во-вторых, оно неподотчетно не только народам страны, но даже и собственной партии, что дает ему, при отсутствии свободной печати, бесконтрольную возможность предпринимать любые акции, которые оно задумает; в-третьих, отсутствие морального тормоза в виде каких-нибудь гуманистических или религиозных норм нравственности делает его свободным в выборе любых средств и методов для достижения поставленной цели. А цель одна — постоян-

но увеличивающаяся вглубь и вширь власть, власть над страной, континентом, миром.

Эта эскалация власти мыслится не как старомодная ленинская импровизация „мировой революции“, а как с научной точностью разработанный, выражаясь терминологией Кремля, план „мирового революционного процесса“, в ходе которого разбиваются слабые звенья цепи мирового империализма — в Азии, Африке, Латинской Америке. Но и здесь ученики Ленина пошли дальше своего учителя. Например, Ленин, писал, что в Африке, где нет индустриального пролетариата, невозможно создавать коммунистические режимы. Брежневцы доказали, что это можно и нужно. После освоения большевизмом этих материков, Европа, лишенная сырья, рынка сбыта, разьедаемая кризисами, безработицей, инфляцией, по подстрекательству Кремля оторвавшаяся от США, атакуемая еврокоммунизмом изнутри и советоккоммунизмом извне, станет ареной больших революционных потрясений, исход которых даже невозможно предвидеть. Мы имеем прямые свидетельства из компетентных первоисточников, что эти потрясения будут организованными, а не стихийными.

Секретарь ЦК КПСС Пономарев, заведующий западными компартиями, говорит: „Объективные предпосылки для перехода к социализму в основных центрах капиталистической системы давно сложились... Накопленного годами и десятилетиями горючего материала достаточно, чтобы прорвать оболочку капиталистического господства... Все зависит от умения использовать имеющиеся возможности“ („Правда“, 18.3.1971). А вот и заявление секретаря ЦК КПСС Капитонова, который заведует высшими внутренними и международными кадрами КПСС:

„Наша партия была и остается верной завету Ленина — делать максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки и пробуждения революции во всех странах” („Правда”, 23.4.1969). Генеральный секретарь ЦК Брежнев все это подтвердил: „Да, Ленин родился в России, но российскую революцию он никогда не представлял себе иначе, как *составную часть и фактор революции мировой*” („Правда, 22.4.1970). В осуществлении этой ленинской программы, казавшиеся всем „серыми” и „бесталанными” выученики Сталина проявили столько упорства, находчивости и изобретательности, что превзошли своего учителя как раз на том поприще, на котором Сталин считался непревзойденным — в околпачивании своих западных партнеров по этой судьбоносной политической игре. Ведь Сталин после войны сорвался на том, что хотел осуществить „заветы Ленина” в классических революционных формах „лобовых атак” (попытки создать „народные республики” в иранском Азербайджане, Курдистане, Греции, территориальные требования к Турции, претензии на протекторат над Ливией, конфликт с Югославией, берлинская блокада, корейская война) без основательной военной подготовки у себя дома, без политической подготовки в тылу намеченной жертвы, без дипломатической подготовки в странах Запада, как это делают теперь его ученики. Сталин буквально „спровоцировал” Запад на провозглашение „доктрины Трумэна” и на создание западной оборонительной системы (НАТО, СЕАТО).

Основой западной политики тогда стал курс на „сдерживание” коммунизма в его „имперских границах”. Поскольку коммунизм все же рвался за свои границы, то началась „холодная война”. Но за-

метим всем очевидный исторический факт: за 22 года „холодной войны” (1948-1970) свободный мир, включая сюда и страны третьего мира, не потерял ни одной политической позиции и ни одной страны в пользу коммунизма (даже Кастро пришел к власти, отрицая коммунизм). Эту оборону Запада надо было преодолеть так, чтобы открыть дорогу советской экспансии, но без большой атомной войны. Ведь появление атомного оружия произвело переворот не только в военной стратегии, но и в стратегии политической. В атомную эпоху война перестала быть продолжением политики иными средствами, как у Клаузевица, или источником пролетарской революции, как у Ленина и Сталина. Отсюда — необходимость в соответствии с новыми условиями пересмотреть всю доктрину ленинизма о путях и методах достижения стратегической цели. Начало этому положил Хрущев со своим курсом на „мирное сосуществование”. Этот курс создал нужный Кремлю психологический климат в свободном мире, но ни на шаг не продвинул советскую внешнюю политику к вожаемой цели — выходу советского коммунизма за имперские границы.

Свержение Хрущева и приход к власти Брежнева открыли эру динамической политики советской экспансии. Кремль разработал новую революционную концепцию — пример тактического искусства большевизма. Это — пресловутая „разрядка”, которую ведущая немецкая газета „Франкфуртер альгемайне цайтунг” метко назвала „раушгифт” (наркотик).

Предварительные результаты разрядки за восемь лет (1971-1979) известны всем: СССР превратил в „марксистско-ленинские” государства: в Африке — пять стран (Анголу, Мозамбик, Конго, Эфиопию и,

вероятно, Родезию), в Азии — пять стран (Южный Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Йемен, Афганистан), в Латинской Америке — три страны (Кубу, Гренаду, Никарагуа).

Советские лидеры совсем не скрывают, что „холодная война” им мешала, а разрядка помогла включить эти страны в орбиту своей политики.

По маршалу Устинову, „холодная война” тормозила экспансию большевизма: „Империализм, пытаясь затормозить мировой революционный процесс, развернул „холодную войну” („Правда”, 22.2.1980). А вот и признание Брежнева по поводу того, зачем нужна была „разрядка” вместо „холодной войны”: „Разрядка создает благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма” („Правда”, 25.2.1976).

Причем Кремль допускал и допускает „разрядку” только наверху, между правительствами, но не внизу, между народами. Он допускает сосуществование идеологий между идеологами, наверху, но не среди народов, внизу. Он откровенно признает, что „разрядка” для него — особая форма идеологической борьбы за торжество коммунизма во всем мире. Гигантский аппарат печати и радио на всех языках мира, гигантская сеть чекистских агентов во всех уголках земли поставлены на службу советской пропаганды и революционных диверсий против западной демократической системы.

Вместо того, чтобы принять этот вызов коммунизма и со своей стороны рассказывать народам советской империи о преимуществах демократической формы правления, Запад занялся безобидным „культуртрегерством”. Более того, Запад не меньше кремлевских правителей озабочен, чтобы у них в тылу не горело (доктрина Зонненфельда), а

то, мол, испугавшись у себя революции, они, в панике, могут напасть на нас. Возьмите западные радиопередачи на Восточную Европу и СССР: „Голос Америки“, „Бибиси“, „Немецкую волну“, „Свободную Европу“, „Свободу“. Там работают талантливые организаторы и выдающиеся публицисты, а продукция? Стерильная информация и дезинфицированные комментарии, которые „просеиваются“, чтобы в них случайно не попали „бациллы антикоммунизма“.

Америка, безцензурная печать и радио которой по частному криминальному эпизоду посадили в тюрьму почти весь штаб Белого Дома, установила цензуру над своими радиопередачами в СССР и Восточную Европу. Высокое начальство не только не разрешает критиковать систему, но не позволяет передавать ничего, что могло бы резать слух или оскорбить нежные чувства джентльменов из Политбюро, как будто Политбюро — „институт благородных девиц“, а не генеральный штаб международных заговорщиков.

Какие уроки преподаст Афганистан Советскому Союзу — еще рано говорить, но о трех уроках, которые он преподавал США, можно говорить уже сейчас:

1. Запад проглядел, как Советский Союз, прикрываясь маской „разрядки“ и пропагандой разоружения (сокращения ракетно-ядерного стратегического оружия), настолько резко изменил соотношение сил в свою пользу по всем видам оружия, что вторжением в Афганистан продемонстрировал свою волю и способность воевать одновременно и с США и с Китаем.

2. Союзники США в Европе не готовы на помощь, если США столкнутся с Советским Союзом вне зо-

ны обороны НАТО. Континентальная Европа отказывается присоединиться даже к мирным экономическим, технологическим и морально-политическим (бойкот Олимпиады) санкциям США против советской агрессии, тем самым морально и материально этой агрессии способствуя. И это та самая Европа, которая была спасена Америкой и от Гитлера, и от Сталина, и которая независима от СССР лишь благодаря защите американского атомного зонта.

3. Европа своей игрой в „независимость”, саботажем санкций США против СССР, заболевшая манией иллюзорной „разрядки”, провоцирует одновременно и Советский Союз и США. Советский Союз она вдохновляет на дальнейшее усиление нажима на нее — с целью оторвать ее от США. США она толкает к старой политике изоляционизма, которая может возобладать, если Его Величество американский налогоплательщик потребует возвращения из Европы дорого стоящей ему американской армии. Если это случится, — а Америка — все еще страна неограниченных возможностей, — то границы Советского Союза будут проходить по Ламаншу.